

Отзыв

**официального оппонента доктора исторических наук, профессора
Смирнова Юрия Николаевича на диссертацию
Дмитриева Андрея Владимировича
«Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.)»,
представленную на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история в
диссертационный совет Д 003.030.01, созданный при ФБГУН Институт
истории Сибирского отделения Российской академии наук**

Диссертация А.В. Дмитриева «Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.)» посвящена теме, значимой, как с теоретической, так и практической точек зрения. Богатая и продолжительная традиция изучения истории вооруженных сил России не означает завершенности исследования данной темы в целом и ряда отдельных сторон, особенно, если это касается территориальной специфики. Как верно указывает сам соискатель, история «русской армии и государственной политики в сфере армейского строительства в России XVIII в.» излагается, «как правило, без учета региональных особенностей» [с. 32].

Важная научная проблема изучения истории вооруженных сил имперской России в данном исследовании рассматривается на конкретно-историческом материале сибирской окраины государства Российского в 18-м столетии. История полевых и гарнизонных частей регулярной армии, размещенных в течение всего этого примечательного века отечественной истории на огромной территории от Тобола и Иртыша до Забайкалья, до сих пор не была написана. Попытки изложить отдельные страницы этой истории предпринимались и ранее, но носили характер сбора отдельных сведений и фактов, при этом уступая в полноте и проработанности изложению истории сибирских иррегулярных войск, прежде всего, казачества.

Актуальность проведённого А.В. Дмитриевым исследования не вызывает сомнений. Переосмысление в современных условиях подходов к прошлому нашей страны приводит к разнообразию теоретико-методологических принципов, к расширению круга источников, в том числе по военной и армейской тематике, к применению новых способов их анализа. Вместе с тем автором продемонстрировано традиционное для отечественной науки следование традициям «историзма (рассмотрение явлений в динамике их изменений, в связи с конкретными условиями их существования) и объективности (рассмотрение исторической реальности для выявления объективных закономерностей, определяющих ее развитие, с опорой на факты в их совокупности)» [с. 48]. Согласимся с этой базовой установкой, которая дает рецензенту основание оценивать представленную работу в рамках классической (или, как нередко говорят в отношении современных авторов, «неоклассической») историографической парадигмы.

С этой точки зрения, диссертация А.В. Дмитриева представляется добротным исследованием, которое отличается хорошим знанием источников, чем сразу располагает к восприятию ее содержания как заслуживающего доверия. Свои выводы и наблюдения соискатель основывает на богатой источниковой базе. Она была создана, прежде всего, в результате работы в двух столичных московских (РГАДА, РГВИА) и двух местных региональных архивохранилищах (Государственном историческом архиве Омской области, Государственном архиве Республики Бурятия). Всего были использованы дела двадцати архивных фондов. Кроме них, был изучен обширный круг опубликованных источников. Отметим в их числе сборники, включающие законодательство и делопроизводство различных учреждений, справочные и статистические материалы. Соискателем были также выявлены и проанализированы изданные записки и дневники современников, относящиеся к теме диссертации. Таким образом, в научный оборот введены многие новые материалы, позволившие на большом

фактическом материале реконструировать историю регулярных войск в Сибири в течение длительного промежутка времени.

Предложенные хронологические рамки исследования (от конца царствования Петра I до восшествия на престол Павла I) являются обоснованными и вполне приемлемыми. Согласимся и с территориальными рамками, которые, с одной стороны, охватывают всю Сибирскую губернию в границах, существовавших во второй и третьей четверти XVIII в. (то есть без территорий Урала и Приуралья) или в пределах Тобольского, Колыванского, Иркутского наместничеств 80-90-х гг. того же столетия. С другой стороны, соискатель делает верное уточнение, что реально регулярные войска размещались лишь в отдельных местах на юге Западной и Восточной Сибири. Географической и содержательной ориентировке при чтении диссертации весьма помогают тщательно выполненные автором Приложения как в виде справочного списка всех известных регулярных воинских частей в Сибири, так и карт с указанием их дислокации на разных временных отрезках.

Собственно военная история регулярных воинских частей занимает в диссертации незначительное место. В ней указано, что их «боевое применение ограничивалось несением пограничной охраны и периодическими мелкими стычками, либо необходимостью отражать набеги отрядов кочевых соседей Российской империи на приграничные поселения» [с. 381]. Это вполне объяснимо, учитывая отсутствие опасных не только внешнеполитических, но и внутренних конфликтов на границе и территории непосредственно Сибири в рассматриваемое время. Исключением являлись разве что подавление очагов башкирских и пугачевского восстаний в Зауралье и острое противостояние на Чукотке, но эти события происходили на периферии изучаемой территории, а потому в целом остались вне рамок исследования А.В. Дмитриева, хотя неоднократно упоминаются в его работе.

Автор сосредоточился на показе региональной специфики военного строительства в азиатской части России по сравнению с тенденциями,

типичными для других российских территорий. Комплексный анализ проблемы позволил представить вопросы появления и службы регулярных войск в Сибири как целенаправленных систематических усилий по обеспечению обороны государственных рубежей, защиты осваиваемых территорий и продвижения российского влияния далее на восток и юг. Сравнительный анализ показал развитие организационной структуры воинских формирований, осветил содержание и порядок несения ими военной службы, их взаимодействие между собой и с иррегулярными войсками на различных этапах развития Российской империи со второй четверти XVIII века до конца указанного столетия.

Не вызывает сомнений практическая значимость поставленных в диссертации вопросов. Она возросла после разрушения устоявшихся границ в результате распада СССР в силу актуализации исторического опыта становления и развития военного дела в сибирском регионе, который вновь стал пограничным не только на китайском и монгольском участках, но и в казахско-центральноазиатском направлении. Такой опыт может быть полезен в нынешних условиях, когда приходится выстраивать систему приграничного контроля по рубежам, близким к ситуации XVIII века. Разумеется, к этому опыту требуется критический подход с учетом современных реалий.

Структура работы соответствует заявленным целям и задачам. Соискатель предложил адекватную схему изложения собранного и проанализированного материала. Логика, хронология и тематика диссертации последовательно отражены во Введении, 4 главах и 12 параграфах основной части, Заключение. В полном соответствии с принятыми стандартами и правилами оформлен научно-справочный аппарат, включающий сноски, списки источников и литературы.

Следует здесь отметить хорошее знание автором имеющихся работ по теме диссертации, что проявилось как в упомянутом списке, так и сделанном А.В. Дмитриевым обзоре историографии проблемы. Сам обзор структурирован тематически. Были выделены, во-первых, «работы,

посвященные истории русской армии и государственной политике в сфере армейского строительства в XVIII в.», а, во-вторых, «публикации по истории Сибири XVIII в., которые содержат сведения или упоминания о расквартировании и постоянной дислокации ... частей регулярной армии» [с. 7]). Также этот обзор излагается с учетом хронологии развития российской исторической науки. Главный вывод, к которому приводит этот обзор читателя, состоит в том, что появление данного диссертационного исследования является закономерным и поступательным шагом в общем русле обогащения знаний об имперском прошлом России, ее отдельных регионов и вооруженных сил государства.

Следует также отметить наиболее интересные суждения А.В. Дмитриева по результатам проделанного исследования. Он выделяет три периода, условно совпадающие в основном с годами правления Анны Ивановны, Елизаветы Петровны и Екатерины II, в течение которых армейский контингент в Сибири, обладавший первоначально незначительной численностью и состоявший только из гарнизонных частей, был расширен и реорганизован. В итоге весь этот контингент оказался включенным «в общую структуру имперской регулярной армии» [с. 52].

Для историков, занимающихся региональными проблемами, не обязательно Сибири, а, например, Поволжья или Приуралья, особенно интересными представляются наблюдения автора о «постоянном взаимодействии» армейских чинов «с населением и местными властями, причем в условиях специфической социальной среды, характерной именно» для конкретной территории [с. 53]. Повсеместно же по всей стране ситуация характеризовалась общим «дефицитом ответственных исполнителей на региональном уровне государственного управления» [с. 395], что требовало использования военных по делам гражданскому управлению.

Заметим, что рецензент настоящей работы в свое время то же самое показал на примере посылок и поручений гвардейцев, причем вовсе не был первыми в освещении данной темы, которое велось еще с XIX в. Есть еще

немало публикаций на тему «нецелевого» использования воинских чинов органами власти. По поводу же гвардии добавим, что полностью разделяем сомнения соискателя в «том, что гвардейские полки комплектовались исключительно дворянами» [с. 192], здесь выводы из его и наших работ совпадают.

В исследовании А.В. Дмитриева также установлено, что кадровый состав армейских частей в Сибири, включая офицерство, был неоднородным [с. 52], что регулярная армия, включая сибирские части, играла важную роль «социального лифта» [с. 397] в общественной структуре российского абсолютизма. Военная служба, в том числе на имперской периферии, активировала процессы включения заметной части населения империи в имперские административно-управленческие структуры. В целом же пребывание регулярных войск в Сибири, а мы добавим, как и на любой другой окраине страны, обеспечивало «инкорпорацию в имперское пространство» такого отдаленного региона в целом [с. 54].

Зная на собственном опыте сложности и трудоемкость определения состава офицерского корпуса воинских частей, очень высоко оцениваю решение вопроса о соотношении представителей дворянства и непривилегированных групп среди офицеров в сибирских регулярных войсках. Значительная часть информации с количественными итогами подсчетов представлена соискателем в удобной и наглядной форме таблиц. К сожалению, нижние чины не были охвачены такими же подсчетами, как и материальные ресурсы, находившиеся в распоряжении воинских частей и отражавшиеся в табелях вещевого довольствия, вооружения и прочих.

Кроме безусловно положительных результатов, достигнутых благодаря ответственному и новаторскому подходу к вопросам, поднятым в диссертации, следует указать наличие в ней дискуссионных моментов. Некоторые из них обострены отсутствием среди привлеченной литературы некоторых важных работ по поднятым в диссертации вопросам.

Заявляя свое теоретическое «credo», соискатель, казалось бы, ясно определяет, что «методологической основой исследования является теория модернизации», а «строительство регулярной армии по западноевропейскому образцу» признает «одной из важнейших особенностей модернизационного процесса в российской истории» [с. 46]. Он также выражает приверженность «новой социальной истории» [с. 47-48].

Сомнения в твердости такой позиции возникают по двум причинам: соискатель об этих концепциях в диссертации не говорит и трудов, посвященных им, не использует. Так, здесь не упомянуты самые читаемые в нашей стране изложения этих концепций Б.Н. Мироновым: 3 издания двухтомной «Социальной истории России периода империи», 2 издания трехтомной «Российской империи: от традиции к модерну» и другие работы. Не использованы работы представителей уральской академической школы, в силу географической близости обращающих особое внимание на проявления этих теорий в восточных регионах России. Можно указать соискателю на коллективные труды по социальной стратификации («Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования») или по модернизации (здесь можно дать целый перечень).

Вообще Екатеринбург в месте издания литературы не упоминается, кроме работ по казачеству азиатской части России. Из всех теоретических работ, там подготовленных, единственное, пожалуй, исключение представляет упоминание статьи, выполненной Е.В.Алексеевой и Д.А. Рединым совместно с М.П. Рей, «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода» в «Вопросах истории».

Однако мы не склонны преувеличивать степень недоработок А.В. Дмитриева и требовать от него знать все, что создано или сказано по этой теме. По изложению самого материала можно заметить уверенное следование модернизационной теории, если не по терминологии, то по смыслу. В ряде случаев соискатель приходит к выводам, аналогичным тем,

что делали даже не упомянутые им авторы. Например, выявленная им «высокая степень милитаризации аппарата государственного управления и участие военнослужащих практически во всех сферах жизни» Сибири [с. 3, 384] почти дословно перекликается с мнением, изложенном в одной из обобщающих монографий уральских историков. Имеется в виду вывод И.В. Побережникова о том, что милитаризация вообще очевидна и характерна для территорий, где происходила «фронтальная модернизация».

Представляется, что путь к теории модернизации, точнее разным ее вариантам для исследователя русского XVIII века вполне естественен, особенно если он идет через кропотливую работу с фактами, тем более самостоятельно собранными в архиве. У соискателя еще будет время углубить теоретические знания, ближе познакомиться с работами тех, кто двигался и двигается схожими путями, сверить курсы и обозначить собственную траекторию.

Впрочем, в диссертации были обойдены вниманием не только некоторые современные авторы, но и классики нашей науки. Так, нет ссылок на работы и взгляды В.О. Ключевского, отводившего военным реформам весьма большое значение в истории России 18-го столетия. При этом соискатель, кажется, склонен преувеличивать новизну некоторых положений, распространенных в современной историографии. К примеру, отдавая должное изложенной М. Робертсом в «Essays in Swedish History» (1967) теории «военной революции», мы бы не стали вслед за диссертантом безусловно утверждать, что она «впервые напрямую связала эволюцию политических и социальных институтов европейских стран эпохи нового времени с военно-технологическими достижениями XVI–XVII вв., которые легли в основу могущества политических режимов XVIII в.» [с. 5]. На нашем отношении, видимо, сказывается хорошо запомнившаяся еще с советских времен цитата: «Введение огнестрельного оружия повлияло революционизирующим образом не только на само ведение войны, но и на политические отношения...». Она была взята из «Анти-Дюринга» (1878),

написанного Ф. Энгельсом столетием раньше книги Робертса, и служила руководством немалому числу отечественных историков совершенно независимо от американского историка. Хотя заслуги Ф.Энгельса перед военной наукой в диссертации признаются и упоминаются [с. 49], но его работ в список литературы соискатель не включил и ссылок на эти работы не привел.

В продолжение предыдущего замечания можно обратить внимание еще на одно дискуссионное высказывание в диссертации. В ней применительно к России безоговорочно употреблено выражение «пороховая империя» [с. 46], причем значение самого термина не раскрывается. Сам же диссертант, как мы поняли, почерпнул его из недавно вышедшей в Казани «Новой имперской истории Северной Евразии» (2017). На каком основании ее авторы отнесли это выражение к Российской империи, остается неясным даже при обращении непосредственно к данному изданию, поскольку в этом объемном двухтомнике нет не только ни одной сноски, но даже списка использованной литературы.

Насколько известно нам, определение «пороховых империй» в западную историографию ввел в 1974 г. Marshall G.S. Hodgson в "The Venture of Islam" (1974), затем он был поддержан своим коллегой из Университета Чикаго William H. McNeill и рядом других авторов. Все они имеют в виду три мусульманские империи Османов, Сефевидов и Моголов. С определенными оговорками этот термин был распространен на Китай и Японию («The gunpowder age: China, military innovation, and the rise of the West in world history» by Tonio Andrade). Именно в отношении стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока он встречается и в отечественной историографии, в том числе работе еще одного екатеринбургского автора С.А. Нефедова – «Факторный анализ исторического процесса. История Востока» (2007).

Кроме вопросов содержательного и теоретического характера, которые можно оценить как темы для дискуссий или дальнейшей разработки, в диссертации встречаются очевидные технические огрехи. Так, спешкой или

невниманием вызваны повторы целых фраз, допущенные соискателем. Например, на с. 192 и с. 215 дословно повторены рассуждения о наличии офицеров недворянского происхождения, а также пересказы фактов служебной карьеры поручика Д. Щелканова и прапорщика А. Соловьева.

Приведенные замечания не снижают общего позитивного впечатления от диссертации, поскольку не ставят под сомнение общую высокую оценку работы, проделанной А.В. Дмитриевым, достоверность полученных им результатов. Главным образом, они носят характер вопросов и пожеланий, направленных на уточнение авторской позиции по отдельным аспектам, советов для дальнейшего изучения заявленной темы. Некоторые из замечаний, можно надеяться, будут освещены, уточнены и объяснены в ходе публичной защиты.

Следует заключить, что данная диссертационная работа, выполненная на широком фактическом материале с привлечением репрезентативного комплекса исторических источников, отличается высоким научным уровнем. Она свидетельствует о наличии у автора выверенной теоретической концепции и четкой исследовательской позиции, прочной методологической базы и большого практического опыта проведения самостоятельных научных исследований.

Диссертация А.В. Дмитриева представляет собой самостоятельное, завершённое научное, квалификационное исследование. Выводы, сделанные соискателем, имеют существенное значение для исторической науки. Работа читается с интересом.

Основные результаты представленного исследования прошли апробацию на международных, всероссийских, региональных научных конференциях, стали известны научной общественности, благодаря 44 публикациям, в том числе монографии и 18 статьям в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ. Автореферат соответствует общему содержанию диссертации.

Материалы диссертационного исследования, несомненно, могут быть использованы в образовательном процессе и научной работе высшей школы, академических исследовательских институтов, учреждений культуры при изучении истории вооруженных сил Российской империи XVIII века, ее государственности и общественных установлений. Эти материалы, несомненно, следует адаптировать и применить при подготовке обобщающих, учебных, научно-популярных и справочно-энциклопедических изданий, в практике музейной и выставочной работы.

Диссертационная работа «Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.)» полностью соответствует требованиям, изложенным в пунктах 9–11 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. «О порядке присуждения ученых степеней». Ее автор Дмитриев Андрей Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета,
заведующий кафедрой всеобщей истории,
международных отношений и документоведения
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева»

Юрий Николаевич Смирнов

Рабочий адрес: 433011, г. Самара,
ул. Академика Павлова 1,
исторический факультет, ауд. 109
Тел.: (846) 334-54-33
E-mail: smirnov195503@yandex.ru



Секретарь В.И. Кузьмичев
Секретарь Самарского университета
Кузьмичев В.С.
11 2018 г.